

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Гамбит

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Гамбит

«Азбука-Аттикус»

1962

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Гамбит / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус», 1962 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-21981-6

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. В элитном шахматном клубе во время сеанса одновременной игры отравлен талантливый шахматист Пол Джерин, и подозрение падает на одного из участников. Однако его дочь уверена в невинности отца и просит Вулфа найти настоящего убийцу.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21981-6

© Стаут Р. Т., 1962
© Азбука-Аттикус, 1962

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рекс Стаут Гамбит

Rex Stout
GAMBIT

Copyright © 1962 by Rex Stout

© О. Э. Александрова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Глава 1

В февральский понедельник, пришедшийся на день рождения Линкольна, в 11:27 я прошел из кабинета в смежную с ним гостиную и сказал:

– Мисс Блаунт здесь.

Вулф, не глядя на меня, с недовольным ворчанием вырвал из книги еще несколько страниц, швырнул в огонь и спросил:

– А кто такая эта мисс Блаунт?

Я поджал губы, но соизволил ответить:

– Она дочь Мэтью Блаунта, президента текстильной корпорации «Блаунт», которого посадили за решетку по обвинению в убийстве, и, как вам, должно быть, известно, ей назначена встреча на одиннадцать тридцать. И не нужно валять дурака, делая вид, будто вы забыли. Вы прекрасно знали, что не успеете закончить аутодафе за полчаса. И как насчет ваших собственных комментариев в адрес тех, кто сжигает книги?

– Этот исключение из правил. – Вулф выдрал еще несколько страниц. – Я простой человек, а не правительство и не цензурный комитет. Я заплатил сорок семь долларов пятьдесят центов за эту книгу и после тщательного изучения нашел ее в высшей степени пагубной и даже подрывающей устои, а потому уничтожаю ее. – Вулф швырнул страницы в огонь. – Я сейчас не настроен выслушивать женщину. Пусть придет после ланча.

– А еще я слышал, что вы говорили о людях, отменяющих встречи, которые сами же и назначили.

Пауза. Очередные несколько страниц полетели в огонь.

– Ну ладно. Приведи ее сюда.

Вернувшись в кабинет, я закрыл за собой дверь, подошел к красному кожаному креслу возле письменного стола Вулфа, в которое усадил посетительницу, и повернулся к ней лицом. Она откинула голову и посмотрела прямо на меня. Она была этакой шоколадкой, брауни¹ – я не имею в виду девочку-скаута, – с маленьким носиком, маленькими ушками, большими карими глазами, копной каштановых волос и пухлым ртом, который смотрелся бы куда лучше, если бы его углы были чуть подняты, а не печально опущены.

– Пожалуй, мне стоит все вам объяснить. У мистера Вулфа сейчас происходит внутренняя борьба. Тяжелая внутренняя борьба. В гостиной есть камин, который мы никогда не зажигаем, поскольку Вулф считает, что пламя тормозит мыслительный процесс. Но сейчас камин растоплен, потому что Вулфу нужен огонь. И в данный момент Вулф сидит в кресле, слишком тесном для него, вырывает страницы из книги и сжигает их в камине. Книга – это полное третье издание Нового международного словаря Уэбстера, выпущенного компанией «Дж. и Ч. Мерриам» в Спрингфилде, штат Массачусетс. Вулф считает этот словарь подрывающим устои, поскольку он угрожает целостности английского языка. В течение прошлой недели Вулф привел мне тысячу примеров преступности этого словаря. Утверждает, будто это неприкрытый акт убийства... Прошу меня извинить. Я так детально описываю ситуацию, поскольку Вулф велел мне привести вас в гостиную, что однозначно нехорошо. Ведь даже если он и услышит, что вы ему рассказываете, его мыслительный процесс будет заторможен. Не могли бы вы прийти чуть позже? После ланча Вулф будет намного человечнее.

Мисс Блаунт уставилась на меня во все глаза:

– Он что, сжигает словарь?

¹ Слово «брауни» (англ. brownie) означает и девочку-скаута, и шоколадное пирожное. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Так точно. Но это еще пустяки. Однажды он сжег кулинарную книгу, так как там было сказано, что нужно снимать шкуру со свиного окорока, прежде чем тушить его с лимской фасолью. А вот что он любит больше: еду или слова – это еще вопрос.

– Но я не хочу приходить еще раз. – Мисс Блаунт решительно встала с места. – Я хочу видеть его прямо сейчас. Я должна видеть его прямо сейчас.

Проблема заключалась в следующем: если бы я уговорил мисс Блаунт отложить встречу, она могла больше не прийти. Когда она позвонила с просьбой ее принять, то имелась большая вероятность заполучить Мэтью Блаунта в клиенты, а это, судя по газетным статьям и ходившим по городу разговорам, даст хорошему детективу широкий фронт работы, за которую Мэтью Блаунт сможет заплатить даже по расценкам Ниро Вулфа. Поэтому я не хотел отпугнуть перспективную клиентку, и, кроме того, меня потрясло ее лицо: не только опущенные уголки рта, но и выражение глаз. У нее был тревожный взгляд, как и у всех, кто приходил к нам, и она явно находилась на грани отчаяния. И если я сейчас выставлю ее, она может отправиться напрямиком в какое-нибудь убогое агентство, где, естественно, нет гениев вроде Вулфа и ищеек вроде меня.

– Ну ладно. Мое дело предупредить. – Я взял с письменного стола свой блокнот и открыл дверь в гостиную.

Мисс Блаунт вошла в открытую дверь, бросив мантию из серебристой норки на спинку кресла.

Я поставил для нас рядом два стула, но, поскольку Вулф сидел возле камина, мне не удалось посадить мисс Блаунт лицом к Вулфу. Он редко встает, чтобы приветствовать посетителя, а тем более когда у него на коленях лежит увесистый словарь, впрочем уже уменьшившийся на одну треть. Швырнув очередную порцию страниц в камин, Вулф повернулся к посетительнице:

– Мисс Блаунт, вы используете слова «подразумевать» и «намекать» в качестве взаимозаменяемых?

Она отреагировала безупречно, просто сказав:

– Нет.

– А в этой книге говорится, что это вполне возможно. Пф! Я бы предпочел не прерывать это аутодафе. Итак, вы хотели со мной проконсультироваться?

– Да. О моем отце. Он в... арестован за убийство. Две недели назад умер один человек, был отравлен...

– Прошу меня извинить, но я читаю газеты. Почему вы обратились ко мне?

– Я знаю, что папа никого не убивал. И хочу это доказать.

– Естественно. Это ваш отец прислал вас?

– Нет.

– Тогда, значит, его адвокат мистер Калмус?

– Нет. Никто меня не присылал. Никто не знает, что я здесь. В этой сумке у меня двадцать две тысячи долларов. – Она похлопала по лежавшей у нее на коленях коричневой кожаной сумке с ручками. – Изначально у меня не было всей суммы, но я продала кое-какие вещи. Если понадобится, я смогу достать еще. Папа с мамой не должны знать, что я к вам обратилась. Как и мистер Калмус.

– Тогда это невозможно. – Вырвав еще несколько страниц, Вулф бросил их в камин. – А почему они не должны ничего знать?

– Потому что они не позволили бы... Они остановили бы меня. И даже папа. – Она стиснула сумку. – Мистер Вулф, я пришла к вам, так как должна была это сделать. Мне нужно сообщить вам кое-какие сведения, которые я не решилась бы сказать никому другому. Это первое доброе дело в моей жизни. Беда в том, что я не делаю ничего плохого, но и ничего хорошего. Тогда какой в этом толк? И мне двадцать два года, поэтому я и принесла с собой двадцать две тысячи долларов. – Она в очередной раз похлопала по сумке. – Дэн Калмус уже много лет является адвокатом моего отца. Вероятно, мистер Калмус хорошо разбирается в вопросах

бизнеса, но для такого сложного дела он явно не годится. Я абсолютно уверена. Ведь я знаю его всю жизнь. На прошлой неделе я предложила ему пригласить вас для расследования, а он в ответ лишь улыбнулся и заявил, что ему не нравится стиль вашей работы. По его словам, он знает, что делает, но это вовсе не так. Мне страшно. Страшно до чертиков! – Она наклонилась вперед. – Мистер Вулф, моего отца осудят по обвинению в убийстве.

Недовольно заворчав, Вулф продолжил вырывать страницы.

– Если ваш отец захочет меня нанять, я мог бы пренебречь согласием его адвоката, хотя это и создаст определенные трудности.

Мисс Блаунт энергично покачала головой:

– Отец не станет вас нанимать, если Дэн Калмус скажет «нет». А мама не станет вас нанимать, если папа скажет «нет». Итак, остаюсь только я. Ну а я могу вас нанять?

– Определенно нет. Без сотрудничества вашего отца и его адвоката я и пальцем не пошевелю. – Вулф с удвоенным рвением принялся рвать страницы.

Двадцать две штуки – сумма для нас отнюдь не рекордная, однако вполне достаточная, чтобы успешно начать новый 1962 год.

– Но ведь это глупо, – сказала мисс Блаунт. – Просто огонь тормозит ваш мыслительный процесс. Я предложила Дэну Калмусу нанять вас, а теперь и сама к вам пришла, поскольку, по-моему, вы можете делать то, на что не способен никто другой. Вас считают волшебником. Все так и говорят. Сам Дэн Калмус сказал, что вы волшебник. Однако он не хочет, чтобы вы брались за его дело. Он так и сказал: «За мое дело». Хотя это не его дело, а дело моего отца.

– Да, – согласился Вулф. – Это дело вашего отца, а не ваше. Вы должны...

– Теперь это мое дело! Первое доброе дело в моей жизни. – Нагнувшись, она вырвала из руки Вулфа раскуроченную книгу и вцепилась ему в запястье. – Разве волшебник может творить только самые простые чудеса? А что, если вы единственный человек на земле, способный спасти моего отца от обвинительного приговора за убийство, которого он не совершал? Если бы я могла совершить что-то такое, чего не может сделать ни один человек на земле, то непременно это сделала бы! И вам вовсе не нужен мой отец или его адвокат, ведь я могу не хуже их все рассказать. Я даже поведаю вам то, чего они ни за что не скажут. Например, что Дэн Калмус влюблен в мою мать. Дэн Калмус никогда в этом не признается, а мой отец просто не в курсе, да и вообще он сейчас в тюрьме. Но я-то нет!

Мисс Блаунт выпустила руку Вулфа, и тот сразу бросил в огонь вырванные страницы. Он сердито хмурился, но не на словарь. Она взяла верную ноту, когда назвала его волшебником, подразумевая, а отнюдь не намекая, что Вулф – единственный в своем роде, и при этом заранее упомянула о содержимом своей сумки.

Вулф обратил на посетительницу хмурый взгляд:

– Вы утверждаете, что уверены в его невиновности. Это просто точка зрения, естественная для дочери, или у вас есть доказательства?

– У меня нет никаких доказательств. Все улики свидетельствуют против него. Но это не просто точка зрения. Я совершенно точно знаю. Я достаточно хорошо знаю своего отца, чтобы...

– Нет! – отрезал Вулф. – То, что очевидно для вас, не очевидно для меня. Вы хотите нанять меня и заплатить мне, действуя от лица человека, который находится в неведении, человека, которого, несмотря на свое состояние и положение в обществе, обвинили в убийстве и посадили за решетку. Доказательства должны быть очень убедительными. Ваш отец не может стать моим клиентом, а вот вы могли бы.

– Отлично, тогда я стану вашей клиенткой. – Мисс Блаунт открыла сумку.

– Я сказал «могли бы». Это, конечно, абсурдно, но весьма заманчиво. Я должен знать... Впрочем, для начала давайте посмотрим, что нам с мистером Гудвином уже известно. – Вулф повернулся ко мне. – Арчи, что нам известно?

– От и до? Или основные моменты?

– Все, что есть. А потом поглядим, сможет ли мисс Блаунт что-нибудь добавить?

– Хорошо. – Я сосредоточился на перспективной клиентке. – Все, что известно из газет и кое-каких услышанных разговоров. Если я в чем-то ошибаюсь, сразу останавливайте меня, не дожидаясь, чтобы я закончил. Итак, «Гамбит» – это шахматный клуб, занимающий два этажа в старом кирпичном здании на Западной Двенадцатой улице. В клубе шестьдесят членов: бизнесменов и профессионалов, а еще парочка банкиров. Как принято в шахматных клубах, они там очень разборчивы. Во вторник вечером, тридцатого января, почти две недели назад, в клубе проходило мероприятие. Некто по имени Пол Джерин, двадцати шести лет от роду, не член клуба, проводил сеанс одновременной игры вслепую с двенадцатью членами клуба. А теперь насчет Пола Джерина. Я буду излагать информацию, не отфильтровывая сведения из газет от слухов. Он весьма эксцентричная личность. Имеет три источника дохода: от написания стихов и шуток для поздравительных открыток, от показа магических номеров на вечеринках и от игры в кости. Он также был равнодушен к шахматам, но играл в основном ради развлечения, не участвуя в турнирах. Вы его знали. Вы с ним познакомились. И как давно это было?

– Около года назад. Мы познакомились на вечеринке, где он показывал фокусы.

– И он обхаживал вас, или вы обхаживали его. Я слышал оба варианта. Вы, естественно, понимаете, что подобные вещи порождают самые разные толки. Узнав, что он играет в шахматы, вы организовали ему шахматную партию у вас дома с вашим отцом. А потом он стал приходить снова и снова. Ну и как часто? Я слышал разные версии.

– С папой он играл в шахматы лишь три раза. Три вечера. Пол сказал, что ему было неинтересно, как-то уж слишком просто. В последний раз он, пожертвовав ладьей, обыграл папу. Но это было много месяцев назад.

– Но он не только играл в шахматы, но и неоднократно встречался с вами. Согласно существующей версии вы собирались за Джерина замуж, но ваш отец...

– Неправда. У меня и в мыслях не было выходить за него замуж. И мы не так уж и часто виделись. В полиции меня об этом уже спрашивали. И я точно знаю. За последние три месяца мы виделись с ним ровно пять раз. На вечеринках, где мы в основном танцевали. Он был хорошим танцором. Но ни одна девушка в здравом уме никогда бы не вышла за него замуж.

– Ну ладно, довольно о слухах. Но вы уговорили вашего отца устроить тот турнир в клубе «Гамбит».

Нам пришлось несколько повысить голос, поскольку Вулф продолжал с шумом выдирать страницы.

– Об этом меня тоже спрашивали. А дело было вот как. Идею подал мне Пол. Сказал, что было бы забавно утереть им всем нос. И я рассказала об этом папе. Но ни на чем не настаивала. Папа ответил, что если Пол будет играть вслепую, то два-три члена клуба, пожалуй, смогут его обставить. И организовал турнир.

– Хорошо. Ваш отец организовал турнир. Конечно, это очень важно. А ваш отец знал, что Пол всегда пил горячий шоколад во время игры в шахматы?

– Да. Пол постоянно пил горячий шоколад.

– Тогда рассмотрим поподробнее турнир тридцатого января. Это был мужской междусобойчик. Присутствовали только мужчины.

– Да.

– Об этом писали в газетах. Я обычно читаю репортажи об убийствах, но особо внимательно лишь тогда, когда мы участвуем в расследовании, а значит, могу в чем-то и ошибиться. В таком случае прошу меня остановить. Присутствовали лишь члены клуба, примерно сорок человек, а также Пол Джерин, официант по имени Бернард Нэш и повар Тони Лаги. В большой комнате на первом этаже вдоль стен установили двенадцать столов, по шесть в каждом ряду. За каждым столом сидел член клуба, спиной к стене. Участники турнира. Таким образом, в

центре комнаты оставалось достаточно места для остальных членов клуба, чтобы свободно перемещаться и следить за игрой. Так?

– Да.

– Но четверо членов клуба не просто следили за игрой, а передавали информацию в качестве посредников. Пол Джерин находился в комнате поменьше в задней части здания, в которой, если верить «Таймс», находится лучшая в стране библиотека шахматной литературы. Он сидел на диване и, когда игра началась, остался в комнате один. Столы были пронумерованы, один посредник обслуживал три стола. Сразу после начала игры посредник отправлялся к Джерину и сообщал ему номер стола...

– Нет. Не сразу после начала игры. Человек, который играет вслепую, ходит белыми на всех досках, а значит, делает первый ход.

– Должно быть, так было нужно. В любом случае, как только игрок за одним из столов делал ход, посредник, обслуживающий этот стол, отправлялся к Джерину и объявлял ему номер стола и сделанный ход. Джерин называл свой ход, после чего посредник передавал информацию игроку за столом. Верно?

– Да.

– Ну ладно, но только я этому не верю. В свое время я баловался шахматами достаточно для того, чтобы понять основные принципы. И я не верю, что кто-то способен держать в голове одновременно двенадцать партий, не глядя на доску. Я слышал, что некоторым удавалось играть даже на двадцати досках, но я этому не верю.

– Сто шестьдесят девять миллионов пятьсот восемнадцать тысяч восемьсот двадцать девять и двадцать одна десятая. Число возможных вариантов первых десяти ходов, черными и белыми. Человек, способный разыгрывать вслепую одновременно двенадцать партий, должен быть настоящим уникалом. Практически чудом природы, – пробурчал Вулф.

– Неужели это так существенно? – спросил я.

– Нет.

Я снова повернулся к Салли Блаунт. По телефону она сказала мне, что ее имя Сара, но она предпочитает, чтобы ее называли Салли.

– Итак, игра должна была начаться в половине девятого вечера, но началась без двадцати девять, на десять минут позже. С этой минуты Джерин оставался в библиотеке один, не считая того времени, когда туда входил посредник. Полагаю, я могу их назвать. Чарльз У. Йеркс, банкир. Дэниел Калмус, адвокат. Эрнст Хаусман, отошедший от дел состоятельный маклер, один из основателей клуба. Мортон Фэрроу, племянник вашей матери миссис Мэтью Блаунт. – Я закрыл глаза и, сделав паузу, сказал: – Тут я, пожалуй, сдаюсь. В какой-то из газет точно говорилось, чем зарабатывает себе на жизнь ваш кузен Мортон, но мне никак не вспомнить.

– Он в бизнесе моего папы. – Она удивленно подняла брови, отчего глаза стали еще больше. – У вас, должно быть, превосходная память, даже когда вы не слишком внимательны.

– У меня такая отличная память, что я наверняка тоже уникал, но мы храним газеты за последние две недели, и, должен признаться, после вашего звонка я их все просмотрел. Впрочем, начиная с этого места, вы можете рассказать мне то, чего не было в газетах. Полиция и окружной прокурор всегда оставляют при себе кое-какие детали. Мне известно из газет, что ваш отец играл за столом номер шесть. Что официант и повар – Бернارد Нэш и Тони Лаги – находились на кухне в цокольном этаже здания, на этаж ниже. Что вскоре после начала игры Полу Джерину принесли в библиотеку кофейник с горячим шоколадом. Пол выпил немного, уж не знаю сколько, а через полчаса сказал одному из посредников, Йерксу, что неважно себя чувствует. Примерно в половине десятого он заявил другому посреднику, Калмусу, что не может продолжать игру. После чего Калмус привел врача, одного из игроков – я не в курсе, за каким столом он сидел, – по имени Виктор Эйвери. Доктор Эйвери задал Джерину пару вопросов и отправил кого-то в аптеку на Шестой авеню. К тому времени как принесли лекарство, Джерину

совсем поплохело, и врач дал ему лекарство. Еще через полчаса Джерину стало еще хуже, и пришлось вызвать «скорую». Без четверти одиннадцать его доставили в сопровождении доктора Эйвери в больницу Святого Винсента, и в три часа двадцать минут Джерин скончался. Уже позже судмедэксперт обнаружил в его организме мышьяк. В «Таймс» не указывалось, сколько именно, но в «Газетт» писали, что семь гран. Замечания имеются?

– Нет. Я ничего не знаю.

– В газетах не писали, содержался ли мышьяк в шоколаде. Это так?

– Я не знаю.

– Там также не упомянули имя человека, принесшего шоколад из кухни в библиотеку.

Вам известно, кто это был?

– Да. Мой отец.

Я вытаращился на мисс Блаунт. Рука Вулфа с вырванными страницами застыла в воздухе.

– Но ваш отец сидел за столом номер шесть. Участвовал в турнире. Разве нет?

– Да. Но когда папа сделал второй ход, его посредник, мистер Хаусман, куда-то запропастился, и папа встал из-за стола проверить, принесли ли Полу шоколад. Стол номер шесть находился в конце комнаты, рядом с библиотекой. Шоколад так и не принесли, и тогда папа спустился за ним на кухню.

– И он что, собственноручно отнес шоколад Джерину?

– Да.

Вулф покосился на мисс Блаунт. Я перевел дух и спросил:

– Я вам, конечно, верю, но откуда вы знаете?

– Папа мне сам рассказал. На следующий день. Его арестовали лишь в субботу, – впрочем, это вам, само собой, известно. Именно потому я и знаю, что он этого не делал. Он рассказал нам обо всем так, словно ни секунды не сомневался, что мы поверим в его невиновность. – Она бросила взгляд в сторону Вулфа. – Вы, естественно, скажете, что для вас это звучит не слишком убедительно, но лично для меня достаточно убедительно. Я точно знаю.

– Хорошо, – сказал я. – Он отнес шоколад. И поставил на стол возле дивана, на котором сидел Джерин. Так?

– Да. Поднос с кофейником, чашкой, блюдцем и салфеткой.

– Вы говорите, ваш отец все подробно вам рассказал. А Джерин что-нибудь ел или пил, кроме шоколада?

– Нет. Там вообще больше ничего не было.

– За те полчаса, прошедшие с того момента, как ваш отец отнес Джерину шоколад, и до той минуты, как Джерин сказал Йерксу, что ему нехорошо, кто-нибудь входил в библиотеку, кроме посредников?

– Нет. По крайней мере, по мнению папы, хотя он и не был абсолютно уверен. – Мисс Блаунт улыбнулась Вулфу. – Я могу у него узнать. Вы говорили, что и пальцем не шевельнете, если он не будет сотрудничать, но я могу с ним увидеться и узнать все, что вас интересует. Естественно, не ставя его в известность, для кого эта информация.

Оставив последнее без комментариев, Вулф продолжил вырывать страницы.

Я пристально посмотрел на посетительницу:

– Вы утверждаете, что не знаете, был ли в шоколаде мышьяк. Скажите, а ваш отец упоминал, оставался ли в кофейнике шоколад и сохранили ли его до приезда полиции?

– Да, сохранили. Однако кофейник был полным.

– Полным? А разве Джерин не пил из него?

– Да. И довольно много. Когда мистер Йеркс сообщил папе, что Пол жалуется на плохое самочувствие, папа отправился в библиотеку. В кофейнике практически ничего не оставалось, а чашка была наполовину пустой. Папа отнес кофейник с чашкой на кухню и там сполоснул. По словам повара и официанта, они ничего не добавляли в напиток – только молоко, порош-

ковый шоколад и сахар. Они налили в кофейник свежеприготовленный шоколад, и папа вместе с чистой чашкой отнес все в библиотеку. Очевидно, Пол больше ничего не пил, потому что кофейник остался полным.

Онемев от удивления, я уставился на мисс Блаунт. А Вулф не просто смотрел, а буквально ел посетительницу глазами:

– Мисс Блаунт, или ваш отец форменный болван, или он действительно невиновен!

– Я знаю, – кивнула она. – Я ведь уже обещала рассказать вам то, чего никому другому не стала бы говорить. Например, что Дэн Калмус влюблен в мою мать, а теперь вот и это. Я не в курсе, сообщил ли папа о данном факте полиции. Вероятно, повар и официант сообщили, хотя, возможно, и нет. Но я должна была вам рассказать. Должна была рассказать все, что мне известно, чтобы вы могли принять решение. Разве нет?

– Да. И я одобряю ваше поведение. Люди редко рассказывают все, что знают. А повар и официант наверняка выложили полиции абсолютно все как на духу. А иначе вашего отца не обвинили бы в убийстве. – Вулф закрыл глаза и попытался откинуться на спинку кресла. Напрасный труд. У Вулфа это получалось на автомате лишь в сделанном на заказ персональном кресле, когда нужно было закрыть глаза и хорошенько подумать. Похоже, не судьба. Вулф даже крикнул от досады, но быстро выпрямился и поинтересовался у мисс Блаунт: – У вас в этой сумке деньги, да?

Посетительница открыла сумку и достала толстую пачку банкнот, перетянутую резинкой:

– Двадцать две тысячи долларов.

Она протянула пачку Вулфу, однако тот не стал брать деньги.

– Вы говорили, что продали какие-то вещи? Какие именно? Они ваши?

– Да. У меня кое-что было на банковском счете, и я продала драгоценности.

– Ваши собственные драгоценности?

– Ну да. Конечно. Разве я могла продать чужие?

– Тогда договорились. Арчи, пересчитай деньги.

Я протянул руку, мисс Блаунт отдала мне пачку. Я снял резинку и начал пересчитывать банкноты, а Вулф продолжал швырять в камин то, что осталось от словаря. И пока я пересчитывал пятисотдолларовые банкноты, а потом и сотенные, Вулф все швырял и швырял выдранные страницы в огонь. Я дважды пересчитал всю сумму, а когда закончил, от словаря остался лишь переплет.

– Ровно двадцать две штуки, – объявил я.

– А это сгорит? – поинтересовался Вулф.

– Безусловно. Это ведь коленкор. Возможно, повоняет немного. Покупая словарь, вы, похоже, заранее знали, что его сожжете. А иначе заказали бы его в кожаном переплете.

Не удостоив меня ответом, Вулф бросил обложку в камин, где весело трещали поленья, которые Фриц положил вместе с растопкой. Глядя, как переплет сворачивается в языках пламени, Вулф произнес:

– Арчи, отведи мисс Блаунт в кабинет и дай ей расписку. Я к вам скоро присоединюсь.

Глава 2

Двадцать две тысячи долларов – это вам не кот начихал. Даже за вычетом налогов и накладных расходов оставшаяся сумма частично компенсирует расходы на содержание принадлежащего Вулфу старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, трех его постоянных обитателей – самого Вулфа, повара и домоправителя Фрица Бреннера и меня, – а также приходящего садовника Теодора Хорстмана, который проводил по десять часов в день, а иногда и больше, ухаживая за десятками тысячами орхидей в оранжерее под крышей. Однажды я подсчитал наши затраты в час за полгода, но не стану называть полученный результат, поскольку этот текст может прочесть глава местного отделения Службы внутренних доходов, который немедленно прикажет одной из своих ищек сравнить мои данные с цифрами в налоговой декларации. Хотя именно эти двадцать две штуки налом инспектор наверняка обнаружит в графе «доходы».

Но когда в четверть второго я закрыл за Салли Блаунт дверь и убрал пачку банкнот в сейф, энтузиазма у меня несколько поубавилось. У нас была толстая пачка денег и ни единой зацепки, чтобы распутать дело. Вулф ясно дал понять, что его единственное обязательство – попытаться что-либо предпринять. Мы явно облажались, даже не начав дело, что можно считать ощутимым ударом по самолюбию волшебника, не говоря уже о его верном псе.

Я заполнил с десяток страниц своего блокнота следующими пунктами.

1. Насколько известно Салли, никто из четверых посредников – единственных, кто, помимо ее отца, повара и официанта, имел доступ к кофейнику с шоколадом, – ранее не был знаком с Полом Джерином и не имел с ним никаких контактов. В противном случае Салли наверняка была бы в курсе, поскольку все четверо посредников так или иначе входили в круг общения Блаунтов и она с ними довольно часто встречалась. Что касается Бернарда Нэша, официанта, и Тони Лаги, повара, то Салли видела их впервые в жизни.

2. Теперь о посредниках. Чарльз У. Йеркс, банкир, периодически сталкивался с Блаунтами на светских мероприятиях. Блаунт входил в совет директоров банка, который возглавлял Йеркс. Йерксу нравилось находиться в обществе миссис Блаунт, матери Салли, впрочем, как и большинству мужчин. В своих записях я заключил в скобки догадку, что Салли не отказалась бы, чтобы мужчины, оторвав взгляд от ее матери, время от времени посматривали бы и на дочь тоже. Что было несколько странно, так как Салли и сама была далеко не дурна собой, хотя я, конечно, еще не видел матери.

3. Мортон Фэрроу, тридцати одного года от роду, не был финансовым гением, хотя и не догадывался об этом. Он получал приличную зарплату в текстильной корпорации «Блаунт» исключительно потому, что приходился миссис Блаунт племянником, но считал, что ему недоплачивают. Я не цитирую Салли, но понял это из ее слов.

4. Эрнст Хаусман, отошедший от дел маклер и старинный друг Мэтью Блаунта, был крестным отцом Салли. Несчастный человек, обреченный умереть несчастным. Он отдал бы десять миллионов долларов, чтобы сыграть с настоящим гроссмейстером без форы и поставить ему мат. Ну что ж, мечтать не вредно. С Блаунтом Хаусман не играл в шахматы уже много лет, не без оснований подозревая, что тот ему поддается. Хаусман был категорически против приглашения Пола Джерина в клуб для проведения сеанса одновременной игры, поскольку считал, что в клуб следует пускать исключительно его членов. Короче, типичный случай страдальца-сноба.

5. Дэниел Калмус, адвокат, много лет работал консультантом в корпорации Блаунта. Салли однозначно испытывала к нему сильные чувства, но я не совсем понял, какие именно; впрочем, я и сейчас нахожусь в некоторой растерянности, а потому предпочитаю замять для ясности. Мисс Блаунт сказала, что Йерксу было лет сорок с хвостиком, Хаусману, ее крест-

ному отцу, – хорошо за семьдесят, но совершенно точно назвала возраст Калмуса: пятьдесят один год. Если двадцатидвухлетняя девушка способна назвать возраст мужчины практически вдвое старше ее, который не является ей родственником и с которым она не состоит в близких отношениях, на это наверняка есть веская причина. Имелись и другие свидетельства неравнодушного отношения Салли к адвокату, а именно ее тон и манера говорить. Я могу объяснить предвзятое отношение Салли к Калмусу – она всегда говорила «Дэн Калмус», а не «мистер Калмус» или просто «Калмус» – не только неверием в его способность вытащить мистера Блаунта из тюрьмы, а отчасти опасениями, что он просто-напросто не захочет этого делать. Ведь если Блаунта отправят на электрический стул или приговорят к пожизненному заключению, миссис Блаунт станет свободна. Салли, конечно, этого не сказала, но уже в третий раз упомянула, что Дэн Калмус влюблен в ее мать. Когда Вулф спросил Салли: «А ваша мать в него влюблена?» – девушка сразу ответила: «Боже упаси, нет, конечно! Если она в кого и влюблена, то, разумеется, лишь в моего отца!»

б. Итак, с посредниками мы закончили. Что касается остальных пунктов в моем блокноте, то существенное значение имеет только один. Если и была найдена какая-либо емкость, содержащая мышьяк, в газетах об этом не писали. Хотя такие подробности полиция и окружной прокурор обычно держат при себе. Когда Вулф спросил у Салли, что ей об этом известно, я затаил дыхание. Меня бы ничуть не удивило, скажи она, что, полупустая бутылочка мышьяка была обнаружена у ее отца в кармане. А почему бы и нет? Однако Салли ответила, что, насколько ей известно, никакой емкости найдено не было. Доктор Эйвери, которого часто приглашали в дом Блаунтов для оказания кому-либо из домочадцев медицинской помощи, сообщил мистеру Блаунту через два-три дня после трагедии, но еще до ареста последнего, что после осмотра Джерина сразу заподозрил возможность отравления, в связи с чем внимательно осмотрелся вокруг и даже спустился на кухню, однако ничего не нашел. А четыре дня спустя, когда Салли после двух бессонных ночей отправилась к доктору Эйвери за рецептом на успокоительное, тот сообщил ей, что, по словам окружного прокурора, бутылочки с мышьяком так и не обнаружили, и теперь, когда мистер Блаунт находится за решеткой по обвинению в убийстве, полиция вряд ли проявит особое рвение в поисках мышьяка. Полицию вызвали лишь после смерти Джерина, доставленного в больницу в карете «скорой помощи», и Блаунт, который шел пешком до больницы, расположенной всего в паре кварталов от клуба «Гамбит», имел массу возможностей выбросить по дороге мелкий предмет, если таковой при нем был. Доктор Эйвери, не сомневавшийся в невиновности своего друга и пациента Мэтью Блаунта, сказал Салли, что у кого-то из присутствующих в тот день в клубе должна была быть емкость с мышьяком, от которой преступник наверняка успел избавиться, и посоветовал девушке попросить Калмуса нанять детектива, чтобы тот попытался найти мышьяк. Именно после совета доктора Эйвери Салли и пришла в голову идея обратиться к Ниро Вулфу.

И последний пункт, который я не стал записывать в блокноте. Под конец встречи Вулф заявил мисс Блаунт, что с ее стороны нелепо надеяться, будто он сможет действовать без ведома Калмуса или ее отца. Ему, Вулфу, придется встречаться с разными людьми. По крайней мере с четырьмя посредниками на турнире. А поскольку Вулф не выходит по делам из дому, всем свидетелям придется приехать в особняк на Западной Тридцать пятой улице. Причем Салли необходимо будет самой привезти или отправить их сюда. Калмус, естественно, обо всем узнает и непременно сообщит мистеру Блаунту. Услышанное Салли не слишком понравилось. У меня даже возникло впечатление, что вот-вот произойдет обратный обмен: я верну ей пачку банкнот, а она мне – расписку. Но Салли задумчиво пожевала нижнюю губу и, похоже, решила держаться до конца. Она поинтересовалась у Вулфа, кого он желает видеть в первую очередь. Вулф обещал дать ей знать. Она спросила когда. Он ответил, что нужно подумать.

Итак, в четверть второго, проводив мисс Блаунт, я без особого энтузиазма вернулся в кабинет, чтобы убраться в сейф. Вулф сидел очень прямо, сжав губы в тонкую ниточку,

положив руки на письменный стол и свирепо уставившись на дверь в гостиную. Возможно, это было его последнее прости подрывному словарю или его привет новой бесперспективной работе, однако спрашивать Вулфа, в чем, собственно, дело, не имело смысла. Не успел я захлопнуть дверцу сейфа, как в кабинет вошел Фриц, чтобы пригласить нас на ланч. Увидев мрачного как туча Вулфа, Фриц посмотрел на меня, но, обнаружив, что выражение моего лица ничуть не лучше, отрывисто бросил:

– Ну ладно, ты сам ему скажи, – после чего повернулся и ушел.

За столом мы, естественно, не говорили о делах, чтобы не омрачать процесс принятия хорошей пищи – а в этом доме она всегда хорошая, – и Вулф сделал вид, что жизнь прекрасна и удивительна. Однако, когда мы, допив кофе, вернулись в кабинет, он сел в свое кресло и, положив сжатые в кулак руки на подлокотники, спросил меня прямо в лоб:

– Это сделал он?

Я поднял брови. Если бы в убийстве подозревалась сама Салли Блаунт, я наверняка потрафил бы Вулфу, поскольку он свято верил, что после часа, проведенного в обществе привлекательной молодой женщины, я уже знал о ней буквально все. Однако моя проникательность явно не распространялась на родственников, которых я в жизни не видел, пусть даже это был отец нашей клиентки.

– Я признаю, что если можно допустить вину человека по ассоциации с его родственниками, то по той же ассоциации можно допустить и его невиновность. Впрочем, припоминаю, как в разговоре с Льюисом Хьюиттом вы однажды заметили, что перенос на...

– Заткнись!

– Да, сэр.

– Но почему ты не вмешался? Почему не остановил меня?

– Моя задача – заставить вас взяться за работу, а не останавливать.

– Пф! Но почему, ради всего святого, я пошел у тебя на поводу?! Из-за денег? Проклятье! Уж лучше мне жить в пещере и питаться кореньями и ягодами. Деньги!

– Орехи тоже весьма неплохо. И еще кора некоторых деревьев. А вместо мяса можно попробовать летучих мышей. Хотя деньги здесь сыграли не главную роль. Она считает, вы можете делать такие вещи, на которые ни один человек на земле не способен. И когда стало очевидно, что вытащить Блаунта из тюрьмы ни один человек земле не способен, вы купились. А виноват там Блаунт или нет – это дело десятое. Вам придется доказать его невиновность, даже если он и убийца. Чудесно! Однозначно ваше лучшее дело.

– И твое тоже. Наше. И ты меня не остановил. – Вулф нажал на кнопку, два коротких и один длинный звонок: сигнал, чтобы принесли пиво.

Плохой знак. Обычно он просил принести пиво лишь через час после ланча, за полчаса до ежедневного свидания с 16:00 до 18:00 в оранжерее с орхидеями. Я подошел к своему письменному столу и сел спиной к двери в прихожую. В кабинет вошел Фриц и, остановившись в двух шагах, устремил на меня вопросительный взгляд, который я перехватил в зеркале. Насколько известно Фрицу, в мои многочисленные функции, коих миллиона два, не меньше, входит в том числе и обязанность удерживать Вулфа от нарушения незыблемых пивных правил. Я поднял глаза на Фрица и сказал:

– Ну ладно. Он собирается удалиться в пещеру. И я с ним. Так пусть хотя бы гульнет на прощание.

– Его довела та женщина? Или словарь?

– Я не хочу пива, – заявил Вулф. – Унеси его.

Фриц развернулся и вышел. Вулф вдохнул полной грудью и протяжно выдохнул:

– Согласен. Размышлять о его виновности или невиновности – абсолютно бессмысленное занятие. Мы или придерживаемся версии о его невиновности, или выходим из дела. Ты хочешь достать эту пачку из сейфа и вернуть той женщине?

– Нет. Мы взяли деньги и отпустили ее. Вы чертовски хорошо знаете, почему я не пытался остановить вас. Жаль было упустить возможность увидеть, как вы будете решать задачку, которая вам явно не по зубам.

– А ты готов считать, что мистер Блаунт невиновен?

– Проклятье, у меня нет другого выхода! Как вы сами сказали.

– Тогда виновен кто-то другой. Для начала попробую исключить повара и официанта.

– Хорошо. Это облегчит дело. Но почему обязательно начинать с них?

– Давай посмотрим. Мышьяк содержался в шоколаде. Поэтому если кто-то из...

– Нет. Ничего не известно. Единственный мышьяк, который удалось обнаружить, был в организме Джерина. В кофейнике свежий шоколад, никакого мышьяка. Чашка вымыта, бутылочка из-под мышьяка не найдена. Ничего не известно.

– Но кое-что все-таки известно. – Когда Вулф меня поправляет, в его голосе обычно слышатся самодовольные нотки, однако на сей раз он решил не утруждаться. – После четырех дней расследования окружной прокурор предъявил мистеру Блаунту обвинение в убийстве. У Блаунта была возможность подсыпать мышьяк лишь в шоколад. И чтобы арестовать Блаунта, полицейским следовало отбросить все имеющиеся варианты. Впрочем, в такого рода расследованиях они достаточно компетентны. Им удалось точно установить, что Джерин не глотал мышьяк до посещения клуба, а там он пил исключительно шоколад. В противном случае Блаунту не предъявили бы обвинения.

– Итак, мне проверить повара и официанта?

– Никаких доказательств, хотя есть высокая доля вероятности. Они были на кухне. Готовили шоколад. Один из них или они оба знали мистера Джерина, имели основание желать ему смерти, им было известно, что он придет в клуб и шоколад предназначен лично для него. Но мы пока ограничимся одним из них. Итак, он добавляет мышьяк в шоколад, не подозревая, что мистер Блаунт сам явится за напитком. Преступник собирается собственноручно отнести поднос или рассчитывает, что это сделает его напарник. Преступник не ожидает, что мистер Блаунт спустится на кухню вымыть кофейник и чашку. Преступник не знает, что у кого-то из членов клуба есть зуб на мистера Джерина... Или, по-твоему, мне следует сделать подобное допущение?

– Нет.

– Преступник не знает, будет ли у кого-нибудь другого возможность положить что-то в шоколад. Хотя определенно знает, что полиция наверняка обнаружит его связь, если таковая имеется, с Джерином. Тогда станет ли он класть мышьяк в шоколад?

– Нет. По крайней мере, мы можем оставить их под конец. Само собой, копы их проверили. Итак, если мы вычеркиваем Блаунта, официанта и повара, у нас остаются посредники. Впрочем, кто-то мог проскользнуть в библиотеку без приглашения.

Вулф покачал головой:

– Мистер Блаунт сказал своей дочери, что ничего подозрительного не видел, хотя абсолютной уверенности у него нет. Стол мистера Блаунта находился возле двери в библиотеку. И пытаться проскочить мимо было бы опрометчиво. В комнату, где находился Джерин, могли входить лишь посредники, и, если бы туда попытался проникнуть кто-нибудь другой, это непременно заметили бы. Подобный вариант стал бы чистой воды безумием. И я отвергаю его. Умозрительно. Но, кроме посредников, существует еще одна возможность, а именно сам мистер Джерин. Допустим, он положил в рот растворимую капсулу с мышьяком и запил шоколадом. Стоит ли мне рассматривать подобную возможность?

– Нет уж, спасибо большое. Это даже не стоит рассматривать. Давайте ограничимся посредниками. Тут определенно имеются скрытые возможности. Посредник входит к Джерину, чтобы объявить следующий ход, закрывает за собой дверь. Допустим, он закрывает за собой дверь из-за того, что в большой комнате слишком шумно. Так?

– Да.

– Хорошо. Он знает, что другой посредник может войти в любой момент, но нужно-то всего пять секунд. Кофейник на столе. Джерин сидит, сконцентрировавшись, на диване, глаза закрыты. У преступника наготове мышьяк, скажем, в бумажном кульке. И он бросает мышьяк в кофейник. Шоколад даже не нужно размешивать. Ничего подобного. Так мне назвать имя?

– Да, конечно.

– Эрнст Хаусман. Шахматный маньяк. Он был против того, чтобы Джерина приглашали в клуб. Но поскольку Джерин уже был здесь, Хаусман получил шанс побить парня, который может дать фору Блаунту, пожертвовав ладьей. Хаусман с радостью отравил бы всех существующих гроссмейстеров, начиная с чемпиона мира, который, насколько мне известно, русский.

– Ботвинник.

– Не только чудо природы, но и коммунист. Мне еще не доводилось слышать ни об одном случае, когда человека убивают лишь за то, что он слишком хорошо играет в шахматы. Но все когда-нибудь происходит впервые. И это не вздор. Хаусман вполне мог слететь с катушек.

– Этого не может быть, – проворчал Вулф. – Исключено. Если он готов отдать целое состояние, чтобы выиграть в шахматы. И тогда ты исключаяешь трех остальных.

– Я их оставляю про запас. Пока не присмотрюсь к Хаусману. Клиентка утверждает, что они никогда не видели Джерина, хотя вполне могли слышать о нем от нее. Конечно, мы могли бы найти мотив, который подошел бы адвокату Дэну Калмусу. На самом деле он влюблен не в мать, а в дочь. Ему, как женатому человеку, если он, конечно, женат, приходится скрывать свою страсть к непорочной девушке, если она, конечно, является таковой. Поэтому, когда он бывает у Блаунтов, то пялится на мамашу исключительно для отвода глаз. Ему кажется, будто Салли запала на Пола Джерина, что вполне может соответствовать истине, несмотря на ее утверждения, и сама мысль, что она держится за руки с другим мужчиной, непереносима, и в результате адвокат покупает немного мышьяка.

– Слишком сложно. Притянута за уши.

– Убийство всегда сложно. Может, нам стоит отвести Блаунту роль сообщника? Мы должны согласиться, что он не совершал убийства, но мог заподозрить, что Хаусман или Калмус отравили шоколад, а потому вымыл кофейник и чашку.

– Нет. Наша версия основана на том, что мистер Блаунт невиновен. Он вымыл кофейник и чашку, решив, будто недомогание мистера Джерина, возможно, вызвано чем-то, находящимся в шоколаде. Собственно, так оно и было. Вполне естественные и объяснимые действия. – Вулф закрыл глаза, но не откинулся на спинку кресла. Похоже, он не углубился в размышления, а молча страдал. Его губы то и дело подергивались. Затем он открыл глаза и сказал: – По крайней мере, у нас есть поле деятельности. Полиция и окружной прокурор посадили мистера Блаунта за решетку и держатся своей версии. Объекты нашего внимания интересуют их исключительно как свидетели, которые уже наверняка дали показания. Полиция не станет с нами конкурировать. – Вулф посмотрел на настенные часы. – Мистер Коэн у себя в редакции?

– Естественно.

– Навести его. Кроме газетных отчетов, у нас лишь один источник информации – мисс Блаунт, – но мы не можем быть уверены в ее компетентности или правдивости. Скажи мистеру Коэну, что меня попросили навести справки относительно кое-каких аспектов данного дела и мне необходимо...

– Это будет невежливо... Я хочу сказать, по отношению к Коэну. Он сразу поймет, что мой интерес может означать только одно: вас наняли вытащить Блаунта из тюрьмы и вы считаете это вполне осуществимым, а иначе не взялись бы за такую работу... И ждать, что он станет держать при себе такое... Ну, я не знаю.

– А я и не жду, что он будет держать это при себе.

– Значит, он может напечатать информацию?

– Разумеется. Как я уже объяснил мисс Блаунт, мое участие в расследовании не удастся сохранить в секрете. Чем раньше убийца об этом узнает, тем лучше. И тогда, возможно, он сочтет необходимым предпринять какие-то действия.

– Ага. Если, конечно... Нет, мне придется завязать узелок на память, чтобы не забывать, что Блаунт не убивал Джерина. – Я встал с места. – Но если я не сообщу Лону Коэну, кто вас нанял, он подумает на Блаунта или Калмуса.

– Ну и пусть. Ты не можешь указывать ему, на кого следует думать, а на кого – нет.

– Я и не пытаюсь. На что особо обратить внимание?

– Абсолютно на все.

Я прошел в прихожую, снял с вешалки шляпу и пальто, открыл дверь на улицу – и меня едва не снесло с крыльца порывом ледяного зимнего ветра.

Глава 3

Лон разговаривал по одному из трех телефонов, стоявших на столе в его крошечном кабинете с табличкой «Лон Коэн», без указания должности, расположенном через две комнаты от углового кабинета издателя на двадцатом этаже здания «Газетт». Положив трубку, Лон сказал:

– Если подсуетимся, то успеем к вечернему выпуску. Первая полоса?

Я развалился в кресле, скрестив ноги, чтобы показать, что у нас еще куча времени, и покачал головой:

– Даже не вторая. Я просто пытаюсь найти обрывки информации, которая может и не подойти для печати. Это насчет Пола Джерина и клуба «Гамбит».

– Да что ты говоришь?! – Лон провел рукой по черным прилизанным волосам.

Я хорошо знал этот жест, хотя после долгих лет знакомства понял, что бесполезно пытаться его интерпретировать. Лон был почти лучшим игроком в покер, с которым я проводил одну ночь в неделю за картами. Лучшим считался Сол Пензер; с ним вы познакомитесь чуть позже.

– Собираешь материал для трактата по правонарушениям у совершеннолетних?

– Мне просто нужно, чтобы ты поместил сообщение в газете. Ниро Вулфа интересуют кое-какие аспекты дела.

– Очень хорошо. Чисто из любопытства?

– Нет. У него есть клиент.

– Ну надо же! А когда давать в печать сообщение?

– Например, завтра.

– А кто клиент?

– Без понятия. Вулф не сказал.

– Да уж, держи карман шире! Арчи, а теперь послушай меня. Это аксиома. В газетных статьях требуется активный залог. Ни в коем случае не пассивный. Нельзя начинать: «Мистера Казински сегодня укусила женщина». Нужно писать: «Мисс Мейбл Флам укусила сегодня мистера Казински». Для затравки можно сказать: «Дэниел Калмус, адвокат Мэтью Блаунта, нанял Ниро Вулфа получить доказательства того, что Блаунт не убивал Пола Джерина». После чего следует упомянуть, что Вулф – величайший детектив нашего времени, который успешно раскрывает самые трудные дела с неопределимой помощью несравненного Арчи Гудвина. Вот так дела и делаются.

Я наградил Лона широкой ухмылкой:

– Мне нравится. На следующий день сможешь опубликовать опровержение Калмуса.

– Так ты говоришь, это не Калмус?

– Я вообще ничего не говорю. Какого черта! Будет даже лучше, если мы оставим вопрос, кто нанял Вулфа, открытым. Типа ты знаешь, но не хочешь говорить. Завтра читатели раскупят миллион экземпляров «Газетт», чтобы это выяснить.

– А ты не хочешь заполнить пробелы? Прямо сейчас?

– Нет. Ни слова. Напиши, что его наняли и дали задаток.

– А можно указать, что информация из первых рук? Прямо от тебя?

– Не вопрос.

Лон повернулся и снял трубку зеленого телефона. Это не отняло много времени. Ведь материала-то было с гулькин нос. Всего на один абзац. Повесив трубку, Лон посмотрел на меня:

– Как раз вовремя. А теперь насчет завтрашнего продолжения. Я не ожидаю слов, которые можно переложить на музыку, но что заставляет Вулфа думать...

– Тпру! – Я поднял ладонь. – Уж больно ты борзый для журналиста. Теперь моя очередь. Я хочу знать все, что ты знаешь наверняка или о чем догадываешься, обо всех, кто там был.

– Так мы до утра не закончим. А теперь не для протокола. Вулф что, и впрямь рассчитывает освободить Блаунта?

– Не для протокола. Хорошая идея. – Я вытащил блокнот. – Итак, им удалось найти бутылочку из-под мышьяка?

– Будь я проклят! – Лон посмотрел на меня исподлобья. – А Вулф знает, что Блаунт спускался на кухню за шоколадом и собственноручно отнес его Джерину?

– Да.

– И он в курсе, что, когда Джерин выпил почти весь шоколад, Блаунт забрал кофейник и чашку на кухню, где благополучно все сполоснул?

– Да.

– А он знает, что Блаунт отказал Джерину от дома и приказал держаться подальше от мисс Блаунт?

– Нет. А ты?

– У меня нет доказательств, но поговаривают, что у копов они точно имеются. И один из наших людей – хороший человек, Ал Проктор, – кое-что узнал от приятеля Джерина. Хочешь поговорить с Алом?

– Нет. Чего ради? Это только поможет найти у Блаунта мотив, а поскольку он невиновен, зачем впустую тратить время? А у них...

– Я точно буду проклят! Боже мой, Арчи, это сенсация! Ну давай выкладывай! Без протокола, пока не дашь отмашку. Я хоть раз тебя подставлял?

– Нет. И сейчас этого не сделаешь. Ладно, проехали. Номер не пройдет. Они нашли бутылочку?

Лон потянулся к телефонной трубке, секунду подержал ее в руках, но, передумав, положил на место:

– Нет. Я так не думаю. Если бы они нашли бутылочку, кто-нибудь из наших людей непременно об этом знал бы.

– А Джерин знал или подозревал, что его отравили?

– Без понятия.

– Люди из «Газетт» наверняка пообщались с теми, кто при этом присутствовал.

– Само собой. Но в последние четыре часа в больнице возле Джерина в основном находились врачи и медсестры. Они не слишком-то разговорчивы.

– Ну а в клубе Джерин, случайно, не ткнул в кого-нибудь указующим перстом: «Это твоя работа, ублюдок»?

– Нет. А если и так, на кого конкретно он должен был указать?

– Я тебе позже скажу. Не сегодня. А кто был в больнице? Я знаю, доктор Эйвери поехал вместе с каретой «скорой помощи», а Блаунт пошел туда пешком. Кто еще?

– Три члена клуба. Среди них Калмус, адвокат. Если нужно, я могу узнать имена двух других.

– Нет, если только это не Хаусман, Йеркс или Фэрроу.

– Точно не они.

– Тогда не трудись. А о чем толкуют в журналистских кругах? Я кое-что слышал в клубе «Фламинго» и в других местах, но я практически не общаюсь с журналистами, не считая тебя. Что они говорят? У них есть альтернативные точки зрения?

– По крайней мере, не те, что тебя устроили бы. Естественно, первые несколько дней ходило множество версий, но только до тех пор, пока не взяли Блаунта. Сейчас главный вопрос: удалось Джерину переспать с Салли или нет? Но это тебя вряд ли интересует.

– Ни капельки. Значит, все считают, что у Блаунта рыльце в пушку? Ни у кого нет особого мнения?

– Если и есть, оно явно не заслуживает внимания. Вот потому-то твоя информация о Вулфе – настоящая бомба. Теперь-то уж точно появятся другие мнения.

– Отлично! Итак, после ареста Блаунта интерес к остальным действующим лицам явно остыл. Но до того? Возьмем, к примеру, четверых посредников. Хаусмана, Йеркса, Фэрроу, Калмуса. У тебя наверняка есть целая коллекция неопубликованных фактов.

Лон поглядел на меня так, как всегда, когда я в очередной раз смотрел на свою козырную карту, поднимал бровь и повышал ставки.

– Пожалуй, я дам тебе не пять центов, а новенький, блестящий дайм, если ты прямо сейчас скажешь, кто именно из этой четверки тебя больше всего интересует. Черт побери, мы могли бы тебе помочь! Конечно, и среди нас водятся полудурки, но найдется и пара-тройка умных людей. Всегда к твоим услугам.

– Прекрасно. Пришли мне их имена и номера телефонов. И передай, чтобы мне не звонили. Я сам позвоню. А теперь расскажи-ка о посредниках. Начни с Калмуса.

И Лон все мне рассказал. И не только то, что хранилось у него в памяти. Он послал за досье. В результате я заполнил восемь страниц своего блокнота на первый взгляд совершенно бесполезным нагромождением фактов. Но никогда не знаешь, что может пригодиться, а что нет. Однажды Вулф сумел раскрыть очень сложное дело исключительно на основании сообщения Фреда Даркина о том, что один мальчик купил жевательную резинку в двух разных местах, но, пожалуй, нет смысла грузить вас сведениями, что Йеркс был хавбеком в Йеле или Фэрроу постоянно вышибали из ночных клубов. Поэтому я сведу все к необходимому минимуму.

Эрнст Хаусман, семьдесят два года, отошедший от дел владелец половинной доли в крупной фирме с Уолл-стрит, бездетный вдовец без друзей (Блаунт не в счет?) и без собак. Его одержимость шахматами уже стала общим местом. Владелец лучшей коллекции шахматных фигур в мире, насчитывающей двести комплектов, один – из нефрита, белого и зеленого.

Мортон Фэрроу, тридцать один год, холост. Живет в апартаментах Блаунта на Пятой авеню (об этом Салли не упоминала). Помощник вице-президента текстильной корпорации «Блаунт». Получил специальное приглашение на мероприятие, проводившееся тридцатого января в клубе «Гамбит».

Чарльз У. Йеркс, сорок четыре года, старший вице-президент Континентальной банковской и трастовой компании, женат, отец двоих детей. В возрасте двадцати шести лет занял одиннадцатое место из четырнадцати на ежегодном турнире шахматного чемпионата США, после чего в турнирах не участвовал.

Дэниел Калмус, пятьдесят один год, видный юрист в области корпоративного права, партнер в фирме «Маккинни, Бест, Калмус и Грин», вдовец, отец четверых детей, у которых уже свои семьи. По признанию одного из членов клуба, сделанному репортеру из «Газетт», его удивило, что Калмус, лучший шахматист клуба, способный обыграть Джерина, согласился на роль посредника, а не стал играть сам.

И так далее и тому подобное. Пока я просматривал досье, Лон, продолжая держать меня в поле зрения, позвонил кое-кому по телефону и принял несколько телефонных звонков. Вероятно, Лон полагал, что если Вулфа заинтересовал кто-то из этой четверки, то я могу выдать его азартным блеском в глазах или подергиванием губ. Дабы не разочаровывать Лона, я вытащил из досье бумажку и спрятал под манжету. И когда я положил папки обратно на стол, Лон спросил:

– А ты не хочешь снять копию с той бумажки, что у тебя в рукаве?

– Да ладно тебе, это я так, для прикола. – Я вытащил бумажку, выложив ее на стол. Там было начеркано карандашом: «8/2 11:40 Л. К. сказал, М. Дж. Н. говорит, слишком много шахмат. А. Р.» – Если Л. К. означает Лон Коэн, тогда все понятно.

– Кончай валять дурака! – Лон бросил бумажку в корзину для мусора. – Что-нибудь еще?

– Отдельные мелкие детали. Что собой представляет Салли Блаунт?

– А мне казалось, Блаунт не при делах.

– Он – да, но у нее могут быть нужные нам факты. И я буду знать, чего от нее можно ожидать, когда мы встретимся. Она что, роковая женщина?

– Нет. Ну конечно, с нами, мужчинами, она просто ангел, да и с копами, скорее всего, тоже. Если покопаться в грязном белье любой девушки ее возраста из высшего общества, всегда можно кое-что нарыть, иногда довольно существенное, но на мисс Блаунт это не распространяется. Она, похоже, чиста, как свежевывающий снег, что достойно внимания прессы, но это не так. У нас на мисс Блаунт ничего нет, да и у копов вряд ли хоть что-то найдется, даже на нее с Полом Джерином.

– Колледж?

– Беннингтонский. Окончила в прошлом году.

– А как насчет матери? Она, конечно, не ангел, но у нее тоже могут найтись несколько нужных нам фактов. Ты что-нибудь знаешь о ней?

– Само собой. Я уже сказал своей жене, что ей не стоит переживать, как я буду жить, если она умрет. Я женюсь на Анне Блаунт. Уж не знаю, каким образом, но женюсь.

– Так вы знакомы?

– Никогда не встречался с ней лично, но видел ее пару раз, хотя и одного раза достаточно. Не спрашивай меня почему. Дело даже не в ее внешности или зове плоти. Она колдунья, хотя сама об этом не подозревает. Если бы она догадалась о своем даре, это было бы видно и сразу рассеяло бы чары. Как ты говоришь, она, конечно, не ангел, но теперь, когда ее муж арестован за убийство, она в центре внимания, и не только моего. Она привлекает. Она притягивает.

– И?..

– Очевидно, нет никакого «и». Очевидно, она тоже чиста. В это трудно поверить, но мне хотелось думать именно так. Как тебе хорошо известно, у меня счастливый брак, моя жена здорова и, надеюсь, простудится на моих похоронах, но всегда приятно знать, что на всякий пожарный есть такая женщина, как Анна Блаунт. Не понимаю, почему она не является мне в мечтах? Ведь мечты мужчины – чисто интимное дело. Если увидишь Анну Блаунт, не забудь рассказать, как она тебе понравилась.

– С удовольствием. – Я поднялся с места. – Благодарить не стану. Ведь я дал тебе больше, чем получил.

– Но мне этого явно маловато. Черт побери, Арчи, дай еще хотя бы чуть-чуть для завтрашнего номера!

Ответив, что он получит еще чуть-чуть, когда у меня самого хоть что-то будет, я взял со стула пальто со шляпой и на этом откланялся.

Я отправился в деловой центр города. Ноги получили необходимую нагрузку, легкие – хорошую порцию бодрящего холодного воздуха, над головой кружились редкие снежинки. Короче, прогулка должна была помочь мне привести мысли в порядок, если, конечно, таковые имелись. Однако мой мозг категорически отказывался сотрудничать со мной по главному вопросу. И если я принял как данность, что Мэтью Блаунт невиновен, то мой мозг – нет. Он отчаянно пытался привлечь мое внимание к имеющимся фактам, которые ломали всю стройную конструкцию.

Итак, я шел на юг по Шестой авеню и в 16:30 достиг Тридцать пятой улицы, но не свернул туда, а продолжил идти вперед. Вулф не спустится из оранжереи до шести вечера, и мне не было никакого смысла возвращаться домой, чтобы тупо сидеть за письменным столом, безуспешно пытаясь занять свой мозг чем-то полезным, поскольку ничего полезного для него не имелось. Поэтому я добрал до Двенадцатой улицы, свернул налево и, остановившись где-то посреди длинного квартала, уставился на четырехэтажное серое с зеленой отделкой здание,

расположенное на другой стороне улицы. На сверкающей медной табличке справа от двери было написано: «Клуб „Гамбит“». Я перешел через дорогу, вошел в подъезд, подергал дверь, которая оказалась заперта, нажал на кнопку звонка и, услышав щелчок, открыл дверь.

Несомненно, я просто занимался самообманом. У меня не было ни единого шанса получить новые факты, за которые можно было бы зацепиться, но, по крайней мере, я мог продемонстрировать себе, что держу руку на пульсе. Не успел я повесить пальто и шляпу на длинную вешалку в холле, как в дверях справа от меня возник какой-то мужчина.

– Чем могу помочь, сэр?

Передо мной стоял Бернард Нэш, официант. Я видел в «Газетт» его фото. Высокий худой человек, с длинным скорбным лицом.

– Мне нужно кое-что проверить, – сказал я и сделал шаг в сторону двери, но он преградил мне путь.

– Вы что, из полиции?

– Нет, я бандит. Вам доводилось сталкиваться с ними лицом к лицу?

Он явно собрался попросить меня предъявить полицейский жетон, но я, оттерев его плечом, вошел внутрь и оказался в большой комнате. Шахматные столы уже были расставлены – я насчитал их около двух дюжин, – за тремя из них шла игра, а возле одного уже топталась пара болельщиков. Быстро оглядевшись, я направился к открытой двери в дальнем конце, официант потащился следом. Если стол номер шесть, за которым играл Блаунт, находился у левой стены, Блаунт сидел всего в десяти футах от двери в библиотеку.

Библиотека оказалась достаточно маленькой, чтобы считаться уютной: там стояли четыре кожаных кресла, рядом с каждым – лампа для чтения и подставка с пепельницей. Вдоль двух стен и частично вдоль третьей тянулись книжные полки. В углу находился шахматный стол со столешницей в клетку из коричневого и желтого мрамора, на которой стояли шахматные фигуры. В «Газетт» писали, что фигуры, вырезанные из слоновой кости и лазурита, некогда принадлежали, так же как и сам шахматный стол, Людовику XIV, а фигуры располагались именно в том порядке, в каком они остались после девятого хода Пола Морфи во время знаменитой шахматной партии в Париже в 1858 году, когда Морфи обыграл герцога Брауншвейгского и графа Изауру.

Диван стоял у левой стены, но стола перед ним не было, только подставки для пепельниц по краям.

Я посмотрел на Нэша:

– Вы убрали стол.

– Само собой. – (Поскольку я для него был обыкновенным копом, то не заслуживал обращения «сэр».) – Нам разрешили переставлять предметы мебелировки.

– Ага. Ну конечно же, инспектор вам разрешил. Учитывая, какие здесь важные шишки. Если бы все произошло в какой-нибудь трущобе, он непременно опечатал бы помещение сразу на месяц. У вас на часах есть секундная стрелка?

Он бросил взгляд на запястье:

– Да, есть.

– Отлично. Тогда засекайте время. Мне нужно проверить. Я сейчас спущусь на кухню и сразу вернусь. Я тоже засеку время. Подстраховаться никогда не вредно. Когда я скажу: «Пошел», – я посмотрел на свои часы, – начинайте засекаать. Пошел! – И я действительно пошел.

Кроме той двери, через которую мы вошли, в библиотеке были еще две двери. Одна из них вела в холл, а возле второй, в дальнем конце, я увидел дверцу старомодного кухонного лифта. Подойдя ко второй двери, я открыл ее – естественно, не дверь кухонного лифта, – переступил через порог и очутился на лестничной площадке идущей вниз узкой крутой лестницы. Спустившись по лестнице, я оказался на кухне, значительно более просторной, чем можно

было предположить, и отнюдь не старомодной. Нержавеющая сталь и люминесцентные лампы. Сидевший на табурете с журналом в руках пухлый коротышка в белом переднике, прищурившись, пробормотал:

– Господи, еще один на нашу голову!

– Самое вкусное мы оставляем на потом, – отрезал я. – Вы Лаги?

– Зовите меня просто Тони. Зачем так официально?

– Мы с вами пока не настолько хорошо знакомы. – Я повернулся и поднялся по лестнице.

Нэш, сидевший как пришитый на диване в библиотеке, посмотрел на часы:

– Одна минута и восемнадцать секунд.

– Достаточно близко, – кивнул я. – Но согласно вашим показаниям, когда Блаунт спустился за шоколадом, он провел на кухне около шести минут.

– Неправда. Я сказал: три минуты. Если вы не... Ой! Вы пытаетесь меня... Теперь понимаю. Меня на мякине не провести: я хорошо помню, что было в моих показаниях.

– Отлично. Я тоже.

Я вернулся в большую комнату и подошел к столу, возле которого толклись двое болельщиков. Ни они, ни игроки не удостоили меня вниманием. На доске оставалось более половины фигур. Черный конь был атакован пешкой, и я удивленно поднял брови, когда игрок пошел ладьей, но потом понял, что белая пешка была связана. За моей спиной послышался голос Нэша:

– Мистер Каррутерс, этот человек из полиции.

Ни одна пара глаз не устремилась в мою сторону. Человек, игравший белыми, очевидно мистер Каррутерс, произнес, не поворачивая головы:

– Не мешайте, Нэш. Вам отлично известно, что нужно делать.

Игру можно считать увлекательной, если она вас увлекает. От нечего делать я последил с полчаса за игроками, решая и за белых, и за черных, какой ход нужно сделать, и достиг впечатляющих результатов. Ни разу не угадал. Когда черные сделали ход ладьей туда, где ее мог взять конь, но при этом открывался шах слоном, которого я не заметил, я понял, что мне не суждено стать Ботвинником и даже Полом Джерином, а потому отправился в холл за пальто и шляпой. Единственное, что я услышал от игравшего черными, когда игравший белыми пошел пешкой, было: «Я так и думал». На что игравший белыми ответил: «Кто бы сомневался».

Снегопад усилился, но на часах было только без двадцати шесть, и я пошел пешком. Свой мозг я успокоил тем, что теперь у меня есть для него новая информация, которую нужно обработать. Ведь я побывал на месте преступления и даже установил жизненно важный факт: на то, чтобы спуститься на кухню и подняться обратно, требуется семьдесят восемь секунд. Впрочем, мой мозг это почему-то не заинтересовало. В районе Восемнадцатой улицы я сдался и начал разглядывать прохожих. В снегопад, особенно вечером, девушки смотрятся намного лучше.

Поднявшись на крыльцо особняка из бурого песчаника, я обнаружил, что дверь не заперта на засов, а значит, можно не беспокоить Фрица и воспользоваться своим ключом. Я отряхнул шляпу и пальто от снега, повесил их на вешалку в прихожей и прошел в кабинет, где Вулф вместо приветствия удостоил меня косым взглядом. Вулф сидел за письменным столом с книгой Роберта Ардри «Африканский генезис». Я прошел к своему рабочему месту и взял свежий номер «Газетт». Нам обычно доставляют три экземпляра: для Вулфа, Фрица и меня. Заметка была на первой полосе в рубрике «Последние известия».

Вулфу, должно быть, попался особенно длинный абзац, поскольку прошло не меньше минуты, прежде чем он поднял на меня глаза и заговорил:

– А что, на улице идет снег?

– Да. И прилично задувает, – ответил я и, увидев, что Вулф снова вперился в книгу, добавил: – Простите, что отвлекаю, но позже я могу об этом забыть. Я виделся с Лоном Коэном. Он уже поместил информацию в сегодняшний номер, как вы наверняка заметили.

– Я еще не смотрел газеты. Узнал что-нибудь полезное?

– Лично для меня ничего полезного. Но для вас, может, что-то и найдется. – Я вынул из кармана блокнот.

– Сомневаюсь. У тебя есть нюх. – И Вулф снова взялся за книгу.

Я дал ему время еще на один абзац.

– А также я сходил взглянуть на клуб «Гамбит». – (Никаких комментариев.) – Я понимаю, что ваша книга на редкость захватывающая. Как вы поведали мне за ланчем, в ней рассказывается, что произошло в Африке сто тысяч лет назад, и, насколько я понимаю, это куда важнее того, что происходит сейчас. Конечно, мой разговор с Лоном может и подождать. Впрочем, как и клуб «Гамбит», где я не только прохладился, рассматривая диван, на котором сидел Пол Джерин, и наблюдая за игрой в шахматы. Вы сказали мисс Блаунт, что дадите ей знать, кого желаете видеть в первую очередь. Если вы рассчитываете встретиться с кем-нибудь прямо сегодня вечером, я должен ей сперва позвонить.

– Это может и потерпеть. На улице идет снег, – проворчал Вулф.

– Ага. Быть может, к началу суда небо прояснится. Как думаете?

– Проклятье! Кончай меня подначивать!

Итак, Вулф явно отлынивал. Поскольку моя основная обязанность – подстегивать Вулфа, когда его отвращение к работе брало вверх, решение оставалось за мной. Вот только у меня самого душа не лежала к этой работе. Осмотр места преступления оказался безрезультатным. А если я не мог взяться за дело, тогда как в таком случае заставить Вулфа? Я встал и отправился на кухню узнать у Фрица, не звонил ли кто-нибудь, хотя отлично знал, что никто не звонил, поскольку не нашел у себя на столе записки с информацией.

Тем не менее в течение следующего часа было три телефонных звонка и еще два во время обеда: из «Таймс», «Дейли ньюс», «Пост» и двух телерадиосетей: Си-би-эс и Эн-би-си. Я подтвердил своим собеседникам достоверность заметки в «Газетт», но заявил, что мне нечего добавить. В «Дейли ньюс» на меня обиделись, что я дал информацию «Газетт», а человек из «Таймс» настаивал на разговоре с Вулфом. Когда прозвучит последняя труба, люди из «Таймс» наверняка пожелают апеллировать к архангелу Гавриилу, а к следующему выпуску захотят получить подтверждение у Всевышнего.

Отделавшись от Си-би-эс, я вернулся в столовую, чтобы доесть вторую порцию заварного крема с папайей, и тут раздался звонок в дверь. Когда мы с Вулфом едим, дверь обычно открывает Фриц. Он вышел в прихожую, но через минуту вернулся в столовую и объявил:

– Мистер Эрнст Хаусман. Говорит, вы, должно быть, о нем слышали.

Вулф посмотрел на меня отнюдь не как на друга и даже не как на доверенного помощника:

– Арчи, это наверняка твоих рук дело.

Я проглотил крем.

– Нет, сэръ. Ваших. «Газетт». А я только следовал вашим инструкциям. Вы сказали, убийца может подумать, будто ему следует что-то предпринять. И вот он здесь.

– Пф! Притащиться в такую метель!

Вулф отнюдь не шутил. Однажды Вулфу пришлось с риском для жизни покинуть дом, чтобы поехать по сугубо личному делу, причем был вечер и шел снег.

– Ему пришлось, – объяснил я. – Раз уж вы взяли след, он понял, что ему некуда деваться, а потому захотел сделать добровольное признание. – Я решительно встал со стула.

Посетитель явился к нам без приглашения, не дав возможности выпить кофе, и Вулф вполне мог попросить Фрица передать незваному гостю, чтобы приходил завтра.

– Хорошо, Фриц, – сказал я. – Я сам им займусь.

Глава 4

После обеда мы всегда пьем кофе в кабинете в основном потому, что кресло у письменного стола Вулфа – единственное, в котором тот может удобно разместить свои телеса. Пришлось пригласить нашего гостя на чашечку кофе. Гость сказал, что он весьма придирчив к качеству кофе, а когда Фриц поставил чашку на столик возле красного кожаного кресла, мистер Хаусман потребовал принести ему другую, побольше. Идеальный гость. Без сомнения, гвоздь программы на званых обедах.

Он явно не тянул на свои семьдесят два года, впрочем на убийцу он тоже не тянул, хотя убийцы редко бывают похожи на убийц. Но одно было видно с первого взгляда: если бы он захотел убить, то совершенно точно остановился бы на ядах, поскольку, воспользуясь он пистолетом, ножом или дубинкой, наверняка испачкал бы свой отлично сшитый костюм за триста долларов, туфли за шестьдесят, галстук за двадцать или замарал бы свои холеные изящные руки и даже забрызгал бы кровью свое холеное лицо с тщательно подстриженными усами.

Гость поднес ко рту большую чашку и сделал глоток.

– Весьма недурно. – У него был тонкий капризный голос. Сделав еще глоток, он повторил: – Весьма недурно. – После чего огляделся вокруг. – Недурственная комната. Немного неожиданно для человека вашего рода деятельности. А вон тот глобус... Я, как вошел, его сразу заметил. Каков его диаметр? Три фута?

– Тридцать два и три восьмых дюйма.

– Лучший глобус, который я когда-либо видел. Даю вам за него сто долларов.

– Я отдал за него пятьсот.

Хаусман покачал головой и отхлебнул кофе.

– Переплатили. Вы играете в шахматы?

– Уже нет. Хотя в свое время играл.

– И каковы были ваши успехи?

Поставив чашку, Вулф потянулся за кофейником.

– Мистер Хаусман, вы наверняка явились ко мне, несмотря на снегопад и столь поздний час, не для того, чтобы говорить о шахматах.

– Однозначно. – Хаусман продемонстрировал нам свои зубы. Это не было улыбкой: он просто раздвинул губы, показав зубы, и снова закрыл рот. – Но прежде чем перейти к делу, я бы хотел удостовериться, что вы мне подходите. Мне известно о вашей репутации хорошего профессионала, хотя это для меня ничего не значит. Насколько я могу вам доверять?

– Зависит от обстоятельств. – Вулф поставил кофейник. – Лично я доверяю себе безоговорочно. А вот всем остальным нужно сильно постараться, чтобы убедиться, что мы достигли взаимопонимания.

– Что весьма существенно, – кивнул Хаусман. – Но я хочу сказать... хм... предположим, я найму вас для определенной работы, насколько я смогу на вас положиться?

– Я выкладываюсь в рамках своих способностей. Впрочем, это нелепый разговор. Неужели вы надеетесь оценить мои личные качества, задавая банальные и оскорбительные вопросы? Вам должно быть известно, что человек хранит безусловную лояльность только одному: своему пониманию долга перед человечеством. Все остальные проявления лояльности обусловлены исключительно этим пониманием.

– Н-да! – произнес Хаусман. – Я хотел бы сыграть с вами партию в шахматы.

– Отлично. Но у меня нет ни шахматной доски, ни фигур. Пешка d4.

– Пешка d5.

– Пешка c4.

– Пешка e6.

– Конь на f3.

– Вы хотите сказать, на с3?

– Нет. На f3.

– Но ведь ход на с3 гораздо лучше! Так во всех книжках сказано!

– Вот потому-то я и не стал так ходить. Ведь вы ждали от меня именно этого хода и заранее знали ответ.

Хаусман задумчиво пожевал губами:

– Тогда я не могу дальше продолжать. По крайней мере, без шахматной доски. – Хаусман допил кофе и поставил чашку. – Вы хитрый, да?

– Я бы предпочел определение «умный». Но в принципе – да.

– У меня есть для вас работа. – Хаусман снова показал зубы. – А кто нанял вас расследовать... хм... убийство в клубе «Гамбит»? Калмус?

– Спросите его.

– Я спрашиваю вас.

– Мистер Хаусман, – Вулф проявлял редкостное терпение, – сперва вы задали вопрос насчет моей мебели и моих привычек, затем – насчет моей честности, а теперь – насчет моих личных дел. Не могли бы вы придумать вопрос, заслуживающий ответа.

– Так вы не хотите сказать, кто вас нанял?

– Естественно, нет.

– Но ведь кто-то же вас нанял?

– Да.

– Тогда это, должно быть, Калмус. Или Анна... миссис Блаунт. – Хаусман на секунду задумался. – Нет, все-таки Калмус. У него нет ни опыта в такого рода вещах, ни нужных способностей. Ну а я самый старый друг Мэтью Блаунта. Знал его еще мальчиком. Я крестный отец Салли. Поэтому я заинтересован, лично заинтересован, в его... э-э-э... благополучии. Но так как всем этим занимается Калмус, то для Мэтью нет никакой надежды, вообще никакой надежды. Он наверняка заплатил вам аванс. Сколько?

Вулф приподнял плечи, затем снова их опустил. И посмотрел на меня, выразительно подняв брови, словно говоря: «Теперь понимаешь, кого впустил в дом?»

– Значит, не желаете сказать, – продолжил Хаусман. – Ну ладно, это может и подождать. Я хочу нанять вас, чтобы вы добились определенных результатов. Никакого конфликта интересов не будет, поскольку все это делается в интересах Мэтью Блаунта. Я вам сам заплачу, а деньги получу с Блаунта уже потом, что, впрочем, не ваша забота. Что вам удалось узнать о случившемся в клубе «Гамбит»?

– Надеюсь, достаточно. Но если возникнут пробелы в информации, возможно, вы сумеете их восполнить.

– Вы знаете о шоколаде? И о версии полиции, будто Блаунт отравил того человека, подсыпав мышьяк в шоколад?

– Да.

– Тогда нам остается лишь доказать, что мышьяк подсыпал кто-то другой. И Блаунта сразу же отпустят. Верно?

– Да.

– Значит, так и нужно сделать. Я много думал об этом на прошлой неделе. Но не решился явиться с подобным предложением к Калмусу, предвидя его реакцию. К сожалению, я не мог действовать самостоятельно, что обусловлено некоторыми... э-э-э... обстоятельствами. И вот сегодня я увидел в газете заметку о вас. Меня интересовало, можно ли на вас положиться, поскольку мне необходимо сохранить полную конфиденциальность. Вы сможете сделать все, что нужно, для освобождения Блаунта, не ставя в известность Калмуса ни до, ни после?

– Если это будет входить в мою задачу, то да.

– И вы не скажете никому другому?

– Если это будет одним из условий соглашения, то да.

– Это непременно будет условием соглашения. – Хаусман посмотрел на меня. – Как вас зовут?

– Арчи Гудвин.

– Выйдите из комнаты.

Я отставил чашку в сторону. Если честно, я редко пью сразу три чашки кофе, но сложившаяся ситуация начала действовать мне на нервы уже несколько часов назад, а этот болван только усугубил мое состояние.

– Желание клиента – закон. Но вы пока еще не клиент. И если я сейчас выйду из комнаты, то мне придется стоять и подглядывать в глазок, а я предпочитаю сидеть.

Хаусман посмотрел на Вулфа:

– Но моя информация сугубо конфиденциальная.

– Значит, она не для меня. То, что предназначено для меня, однозначно предназначено и для мистера Гудвина.

Хаусман заколебался, похоже собираясь отказаться от своего требования, и он действительно от него отказался. Он снова продемонстрировал зубы и секунд десять держал паузу, переводя взгляд с Вулфа на меня и обратно.

– Я действовал импульсивно. И к вам пришел, повинуюсь порыву. Вы что-то говорили о том, что человек сохраняет лояльность сообразно своему пониманию долга перед человечеством. А я должен Мэтью Блаунту. Вулф, я человек очень жесткий. Если вы или Гудвин меня обманете, то очень сильно об этом пожалеете.

– Тогда мы должны постараться этого избежать, – проворчал Вулф.

– Вам виднее. Еще никому не удалось обмануть меня и не пожалеть об этом. Мне нужно, чтобы вы нашли доказательство, что мышьяк подсыпал в шоколад кто-то другой. Я буду говорить, что делать, а вы должны лишь следовать моим указаниям. Я все спланировал до мельчайших деталей.

– И в самом деле. – Вулф откинулся на спинку кресла. – Тогда это будет проще простого. Вы сейчас сказали: «Кто-то другой». Итак, вы имеете в виду кого-то конкретное?

– Да. Его зовут Бернارد Нэш. Он официант в клубе «Гамбит». В кухне наверняка был мышьяк. Разве мышьяком не травят крыс?

– Травили. Возможно, и сейчас это делают.

– Итак, в кухне хранился мышьяк, и Нэш по ошибке положил его в шоколад. Быть может, вместо сахара. Когда я сказал, что все спланировал до мельчайших деталей, то имел в виду основные детали. Вы сами узнаете у Нэша, естественно не называя меня, более мелкие детали, а именно: в какой емкости хранился мышьяк, где его держали, сколько мышьяка он положил в шоколад и так далее. Ну и конечно, куда он дел потом емкость из-под мышьяка. А когда Блаунт спустился на кухню с кофейником и чашкой, чтобы их сполоснуть... Кстати, вы знали об этом?

– Да.

– Так вот, он сообщил официанту и повару, что Джерин плохо себя чувствует, и попросил налить в кофейник еще шоколада. Когда Блаунт ушел с новой порцией шоколада, Нэш задумался и, поняв, что натворил, избавился от емкости с мышьяком. Ну как, убедительно?

– Звучит правдоподобно.

– Конечно, придется все тщательно рассмотреть: как, где и когда он выбросил емкость с мышьяком. Я понимаю, что в таких вопросах ничего нельзя упустить, абсолютно ничего. Вот потому-то я и пришел к вам. С вашим богатым опытом вы наверняка знаете, что предпримет полиция. Вы знаете, как устроить так, чтобы не совершить оплошности. Но на одном пункте я собираюсь твердо настаивать. Нэш должен отказаться от того, что заявил полиции – он наверняка подписал свои показания, – и для этого у него должна быть веская причина. А причина

эта заключается в том, что, когда вас нанял Калмус, вы встретились с Нэшем, допросили его и заставили признаться в содеянном. На этом я категорически настаиваю. Таким образом, не будет никаких свидетельств моего участия. И вы, естественно, со мной согласитесь.

Вулф потер нос кончиком пальца:

– Возможно. Но только после разговора с мистером Нэшем. А он согласился?

– Нет, конечно. Но наверняка согласится, куда он денется. Вы сделаете ему такое предложение, от которого невозможно отказаться. Поэтому уговорить его будет нетрудно. Куда труднее продумать все до мельчайших деталей, чтобы это устроило полицию.

– Какую сумму ему предложить?

– На ваше усмотрение. Я плачу вам пятьдесят тысяч долларов, и вы предоставите мне счета за все оказанные вами услуги. Полагаю, если вы предложите Нэшу половину указанной суммы, двадцать пять тысяч, этого будет вполне достаточно. У него личные трудности, и он отчаянно нуждается в деньгах. Не далее как месяц назад он обращался ко мне за помощью. Просил одолжить ему пятнадцать тысяч долларов, которые я никогда не получил бы обратно. У него болеет жена. Ей требуется несколько операций и другое дорогостоящее лечение. Поэтому Нэш по уши в долгах, а еще у него двое сыновей, студентов колледжа, и две дочери. Ему присуща дурацкая гордость человека, который не может позволить себе быть гордым. Вам нужно всего лишь уговорить его признать, что он допустил ошибку. Ошибка – вовсе не преступление. С двадцатью пятью тысячами в кармане он сможет нанять себе хорошего адвоката, а с хорошим адвокатом он, скорее всего, не сядет за решетку. Ведь так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.